

«Я вспоминаю...»

Рассказывает Наталья Борисовна Зайцева-Соллогуб

Продолжение.
Начало в "РМ" №4163.

В 1932 году я вышла замуж за Андрея Владимировича Соллогуба. Но с родителями виделась очень часто, постоянно бывала у них. Папа и мама оставались в своей квартирке в Булони. 110, rue Thiers.

Грнула война. Родители в это время гостили в имении у Ельшиевичей в Бюси. Моего мужа мобилизовали 15 октября 1939 года. Мы остались совершенно без средств, потому что Андрей получал только четверть своего жалования. А так как он был с высшим образованием, его направили в офицерскую школу, и ему тоже надо было помогать и посылать посылки. Меня взяли в банк, где он служил до войны, мелкой служащей, и я что-то писала там всю зиму 39-40-го года. Тогда еще газеты существовали, но когда пришли немцы, все абсолютно прекратилось, и у моего отца не было никакой возможности как-то зарабатывать.

Моего мужа из офицерской школы, слава Богу, не успели перебросить на фронт. И он оказался в неоккупированной зоне Франции. А мне в это время пришлось работать подавальщицей в ресторане — единственная возможность как-то продержаться. Это была очень тяжелая и неприятная работа — в этот простой русский ресторан приходили немцы, и надо было подавать. Муж вернулся осенью 1940 года, и я устроилась работать в контору.

Немцы вошли в Париж в июне 1940 года. Сначала они вели себя осторожно, но довольно скоро, когда началось Сопротивление и французы стали устраивать террористические акты, фашисты развернулись. Вскоре они объявили, что все евреи должны прийти и записаться. Евреям приклеивали на одежду звезду, которую они постоянно должны были носить. Наши друзья-евреи решили, что это не просто так. Один наш друг, Л.А.Элькинд, смог бежать в свободную зону, а его жена осталась. Как-то она спросила, сможет ли жить у нас, если будет облава? И я сказала "конечно". 14 июля 1941 года она прибежала в одном летнем платье — мы оставили ее ночевать. В ту ночь фашисты собрали массу евреев — их привезли в грузовиках на велодром, где был сборный пункт. Это было ужасно видеть: все с детьми, с какими-то кулями, узлами. Плачут...

Анна Владимировна Элькинд жила у нас. Однажды мне нужно было пойти к ней в квартиру, откуда она убежала в одном платье, и взять ее вещи — было страшно. В квартире оставалась ее ста-

рушка-мать. Немцы ее не забрали, так как ей было много лет. Я все взяла, вернулась, а через несколько дней нам с Анной Владимировной надо было выйти к фотографу, чтобы сделать ей фальшивые документы для побега.

Анну Владимировну мы постоянно прятали, даже запирали дома, чтобы кто-нибудь случайно не увидел ее и не донес. Через три недели с поддельным паспортом, который помогли сделать участники Сопротивления в мэрии, она убежала в свободную зону к мужу. А ее старушку-мать мы взяли к себе в декабре, так как разнесся слух, что будут арестовывать всех евреев, и стариков тоже. Так и случилось. Примерно через месяц я помогла ей сделать паспорт на другую фамилию, и Генриетта Генриховна перебралась к дочери. Таким образом они спаслись. А очень много наших друзей погибло.

День, когда началась война с Россией, я помню, как будто это было вчера. Мы с нашими друзьями поехали в лес погулять, устроить пикник, как вдруг по радио сообщили, что немцы вошли в Россию. Это было 22 июня 1941 года.

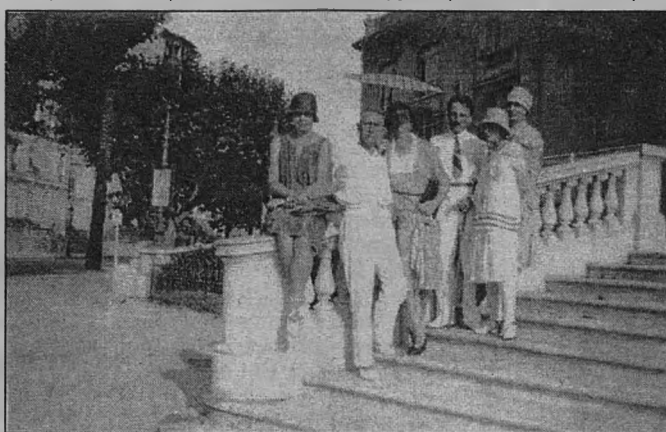
Было ужасно: фашисты по радио орали, что идут вперед торжественным маршем, и все время играла их музыка. Хотелось заткнуть уши.

Отец сразу повесил в комнате карту России, и мы постоянно следили за военными действиями. Отец очень страдал за Россию.

А немцы во Франции стали регистрировать всех эмигрантов. Это было страшно — ведь мы были русскими подданными.

Во время оккупации Парижа было очень плохо с едой: паек, который давали по карточкам, был крошечным, и чтобы его получить, мы стояли в огромных очередях. Я не знаю, как мы вообще все могли вынести. По карточкам давали немножко вина и табак. Папа менялся с нами: мы ему вино, а он нам папиросы. Однажды мы с мамой встретились в метро, и я протянула ей вино для папы, да так неловко, что бутылка разбилась... Было очень обидно.

А потом начались бомбардировки Парижа. Американцы бомбили стратегические пункты фашистов, но часто попадали на жилые кварталы. Как-то папа приехал к нам в 7-й округ Парижа, и

Бунин, Зайцевы, Г. Кузнецова. Ницца, 1929.

вдруг началась бомбежка — бомбили Булонь, где жили родители: там находились заводы Рено и Ситроен, на которых немцы делали военную технику. Мы видели из окна, что там бомбят. Пыль долетала даже до нашего квартала. Грохот был ужасный. Это было вечером, и вот наконец по радио сообщили, что все закончилось и метро работает. Мы

вернулся к старой работе: в третий раз взялся за перевод "Ада" Данте. С этой книгой у него вообще было все очень странно — он начал ее переводить еще в России, но помешала революция, и книга не вышла. Потом брался за нее в эмиграции, снова правил, но работа оставалась незаконченной, и вот во время войны, когда немцы оккупировали Париж, настал час "Ада". Трагизм жизненных реалий, душевный настрой — все подвело его к окончанию работы над переводом. Он сделал эту работу необыкновенно — поэтическое творение Данте им переведено на русский язык в прозе, сохранив музыку итальянского текста.

Под бомбами, в холодной, полуразрушенной квартирке в Булони родилась книга, которая, я надеюсь, увидит свет в России.

В 1957 году моя мама очень тяжело заболела — у нее случился удар. Восемь

Одна из последних фотографий Б.Зайцева с Верой Алексеевной. Булонь, 1963.

Папа очень исхудал. Мне даже теперь трудно об этом говорить. В квартире были выбиты стекла, растрескались стены. Когда бомбили, они с мамой бежали в убежище. Но в этот страшный период отец работал: именно в эти годы рожда-

ет она была в параличе. И все восемь лет отец ухаживал за ней. Первое время он к маме никого не подпускал: мы брали сиделку, чтобы она дежурила у мамы ночью, но пришлось ее отпустить. Родители прожили вместе 65 лет и

всю жизнь любили друг друга. И отец боролся за маму, продлевал ее жизнь.

Сначала она не могла говорить — и папа читал ей вслух: два раза перечел "Доктора Живаго", "Войну и мир", читал русских классиков и современную литературу, — он читал часами. Через несколько месяцев маме стало немножко легче, и тогда папа начал с ней говорить, чтобы память к ней вернулась. Перед сном они молились: "Отче наш..." — говорил папа, и мама силилась повторять за ним. Мама потихоньку вспоминала какие-то слова, иногда трудные, и однажды она сказала мне: "Твой папа обаятельный человек".

А потом мама даже стала немножко писать левой рукой — каракули, конечно, и папа иногда за нее дописывал слова. У меня сохранились ее записочки к Вере Николаевне Буниной, ее задушевной подруге.

В эти годы папа писал мало — он всецело отдавал себя маме. А до ее болезни задумывал книгу о Достоевском. Он очень любил Достоевского и внимательно изучал его творчество, написал несколько работ. Но его мечта осталась не воплощенной — после маминой смерти в 1965 году папа был уже в очень преклонном возрасте и былых сил не оставалось.

Моя мама и Вера Николаевна Бунина дружили с детства и до самой смерти. Две закадычные подруги — Вера Орешникова и Вера Муромцева были очень разными. Мама — эмоциональная, увлекавшаяся в юности декадентами, лекциями Бальмонта, Брюсова и Володина, и Вера Николаевна — серьезная, строгая девушка, слушательница Высших женских курсов Герье. И тем не менее, более задушевной дружбы, сердечности в отношениях между ними, понимания, нельзя было желать.

Вера Николаевна познакомилась с Иваном Алексеевичем Буниным в доме моих родителей в 1906 году — меня тогда еще и на свете не было. Папа вспоминал, что это был домашний литературный вечер, каких тогда было много, и Бунин читал на нем свои стихи. Его, видимо, поразила очень красивая девушка с огромными светло-прозрачными глазами и тонким профилем. В квартире родителей на Спиридоновке Бунин и Вера Муромцева встречались и позднее, и мама с папой были очень рады, что у них роман, потому что любили обоих.

Иван Алексеевич с Верой Николаевной уехали из России раньше нас — в 1918 году, практически сразу же после революции, которую Бунин однозначно и резко отверг. И встретились они с моими родителями уже в 24-м году, в Париже.

Бунины обыкновенно полгода жили в Грассе на вилле Бельведер, полгода — в Париже. Я помню, что как только в 22-м году мы переехали границу Германии, папа написал Бунину длинное письмо — тогда они были еще на "вы".

Первое время во Франции они почти не виделись — переписывались, но летом 1925 года, когда мы жили в имении Ельшиевичей в департаменте Вар (а Грасс был, быть может, в ста километрах оттуда), Бунины к нам приехали на машине. Они иногда брали шофера с машиной, и в этот раз мы провели вместе весь день. Мы завтракали под платанами, а потом папа показывал всем аббатство Торонэ.

Вера Николаевна очень любила детей, была мягкая, и у меня с ней сразу же получился контакт. А Ивана Алексеевича я смущалась. Ведь я, в сущности, узнавала его впервые: в России, когда они уезжали, мне было лет шесть. Потом мы виделись часто, и я подружилась с Буниными на всю жизнь.

Вскоре, тем же летом, мы поехали в Грасс, на виллу Бельведер, которую Бунины годами снимали. Я думаю, что кто-то из богатых почитателей Ивана Алексеевича платил за эту виллу, потому что у Буниных, как и у всех русских эмигрантов, денег было совсем не много. Эта вилла очень красиво стояла над Грассом — туда нужно было подниматься в гору, был сад, и посреди большого сада стояла эта двухэтажная вилла.